

«Этническая рознь» на Таймырском Севере (кто ищет, тот всегда найдет...). Д.Дж. Андерсон. **Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган** (Авторизованный пер. с англ. яз.). Новосибирск, 1998. X, 248 с., прил., ил.

В основе данной рецензии лежит резко критическое выступление на конференции «Сибирь и Циркумполярный Север: Вклад этнологии и негосударственных организаций» (Вена, 2–4 июня 2000 г.). Следует специально оговорить, что рецензенту, также занимавшемуся полевыми исследованиями на Таймыре никогда не доводилось встречаться с Д. Андерсоном лично или испытывать, прямо или косвенно, какие-либо неудобства, вызванные действиями последнего. Тем не менее целью выступления была дискредитация исследовательской практики Д. Андерсона и его «свидетельств очевидца» в глазах возможно более широкого круга коллег или во всяком случае привлечение их внимания к поднятой проблеме. Я был бы рад убедиться, что мое выступление в какой-то мере помешает его научной карьере и тем более дальнейшей полевой работе на Сибирском Севере.

Русский перевод монографии Д. Андерсона (Университет Альберты, Канада) увидел свет на два года раньше английского оригинала¹.

Факты и интерпретации. Я приобрел книгу Д. Андерсона в августе 1999 г. в Дудинке и приступил к ее чтению, захваченный и ее очень близкой мне темой (как лингвист-полевик я сам много работал на Таймыре), и тем душевным подъемом, с которым автор описывает природу и жителей Таймырского Севера. Несколько смущало частое упоминание национальной розни, которой были охвачены эвенки и долганы пос. Хантайское Озеро, в котором автор жил с декабря 1992 по август 1993 г. Но я готов был верить, что тревога автора обусловлена серьезным конфликтом в этом поселке, невольным свидетелем которого он оказался. Однако, достигнув с. 48, я, к вящему своему изумлению, прочитал: «[...] Жители Хантайского Озера гордились тем, что у них в поселке дела обстоят лучше, чем у других. Например, смешанный нганасанский, долганский и эвенкийский поселок Усть-Авам часто называли «малый Карабах» из-за царившего там насилия. Тем самым люди осознавали связь между национальной враждой на Таймыре и напряженностью на территории бывшего Советского Союза».

В Усть-Аваме и в соседней Волочанке (тоже со смешанным нганасанским и долганским населением) я бывал неоднократно, в том числе в 1992 и 1994 гг. Обстановку в этих национальных поселках тогда (как, впрочем, и до, и после этого) никак нельзя назвать спокойной и мирной. Ссоры и драки вспыхивали постоянно – особенно, разумеется, в те дни, когда выдавались зарплаты и пособия или когда после рейса баржи или грузового вертолета на полупустых полках магазина вновь появлялась водка. Дело зачастую доходило до поножовщины и стрельбы, порой с трагическим исходом для участников. Не редкостью были, увы, и случаи, когда люди совершали самоубийства, тонули (летом) или замерзали в сугробах (зимой) – почти всегда в состоянии сильного опьянения. Пожалуй, в этот период (сразу вслед за радикальными и жесткими экономическими реформами гайдаровской администрации) раздражение и возбудимость были особенно велики. Но я готов поручиться, что во всех трагических происшествиях национальность потерпевших играла минимальную роль.

Если население пос. Усть-Авам состоит из 295 нганасан, 350 долган и 64 представителей других национальностей², то, как показывает элементарный вероятностный расчет, по воле слепого случая в 41% всех стычек между двумя противниками таковыми должны оказаться нганасан и долганин (в 17% случаев оба окажутся нганасанами, в 24% – оба долганами и т.д.). Значит ли это, что «расчетный» 41% пьяных ссор может квалифицироваться как «национальные конфликты»? Если же реальная статистика не слишком сильно отличается от статистического ожидания (а по моим наблюдениям, которые я, к сожалению, не могу подтвердить документально, различия невелики), то Усть-Авам может рассматриваться как арена межэтнических столкновений?

Для Андерсона подобные интерпретации, как показывают приводимые далее выдержки из его книги, в порядке вещей.

И я догадываюсь, почему автор так склонен к оценке всех и всяческих фактов и высказываний (в подлинности которых нет оснований сомневаться) под углом зрения межэтнической розни, проявлений национализма или, как это названо в книге, «национальной инфляции»³. При всем своем воодушевлении (а его можно ощутить на многих почти лирических страницах книги!), основанном на новых впечатлениях от просторов тундры, первых уроков оленеводства в «бригаде номер один» и своих первых успехов в этом

нелегком деле (с. 1–4, 38–45), Андерсон не мог забыть и о цели своего пребывания на Таймыре. А эта запланированная цель состояла в подготовке диссертации о «новом национализме» у этнических меньшинств Крайнего Севера⁴. Теоретические предпосылки такого исследования были ясны еще до начала полевой работы (с. 52–61) – Хантайское Озеро должно было наполнить социоантропологическую схему конкретным материалом. Как признает автор, «призрак национализма "таился" и в глубине моего антропологического проекта» (с. 119).

Нельзя не отдать должного одному бесспорно положительному качеству обсуждаемой работы: автор предельно искренен в описании собственной деятельности и точен в передаче слов и реакций своих собеседников, эвенков и долган. С другой стороны, благодаря данному качеству задача критика максимально упрощается: все самые категоричные возражения по поводу исследовательской практики, целей и выводов Андерсона лучше всего иллюстрируются прямыми цитатами из его книги.

Знания исследователя и знания его информантов. В частности, автор признается, что до 1992 г. его познания относительно этнической ситуации в Таймырском АО были более чем поверхностными (даже для канадского докторанта, специализирующегося в области социальной антропологии народов Севера): «До января 1992 г. я, как и многие современные специалисты по Сибири, считал, не давая себе труда разобраться, что этнический состав Сибирских автономных образований совпадает с их названиями, поэтому в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе я ожидал встретить исключительно долган и ненцев» (с. 6–7).

Заметим, что и в других отношениях уровень знаний автора оставлял и оставляет желать лучшего. Так, в английском варианте книги несколько раз упоминается М.А. Kastren (sic! вместо Castren), ибо Кастрен явно известен Андерсону лишь по одной русской переводной публикации в «Магазине земледелия и путешествий» за 1860 г. Хотелось бы надеяться, что подобный уровень профессиональной подготовки – это не общий признак «современных специалистов по Сибири».

К сожалению, и последующее ознакомление автора с работами по этнической истории Таймырского Севера не дало большого эффекта. Андерсон многократно ссылается (с. 91 и сл., 100 и сл.) на исследования Б.О. Долгих⁵ и демонстрирует свое знакомство с трудами других авторов (с. 93, 103 и др.). Однако для него все эти исследования служат лишь образцами худших традиций русской и советской «официальной этнографии», уделявшей слишком много внимания этногенетическим и классификационным проблемам; он отзывается о них с сарказмом или с неприкрытым раздражением, оценивая их как науку, находящуюся на службе у государственного аппарата (с. 79, 95, 177 и др.)⁶.

Естественно, при такой установке Андерсон не воспринимает выводов Б.О. Долгих и других этнографов и не способен усвоить элементарные факты, которые положено знать любому исследователю, работающему среди долган и эвенков, и которые, кстати, прекрасно известны и понятны его информантам (хотя те никогда и не читали Б.О. Долгих).

Эти факты и выводы состоят в том, что по сибирской хронологической шкале долганы представляют собой очень молодой этнос. В своей основе это эвенки, принявшие православие как свою религию (при сохранении анимистических и шаманистических традиций как субстрата) и один из северо-восточных якутских диалектов как свой язык (при сохранении эвенкийского субстрата, особенно в географической, промысловой и оленеводческой терминологиях). В состав долган вошли и другие, численно менее значительные компоненты: переселившиеся на Таймыр якуты, русские «затундринские крестьяне», крещеные (и воспринявшие крещение неформально) нганасаны и энцы.

Процесс сплавления этих компонентов в единый этнос (основной «плавильной печью» служила при этом экономически важная цепь станков на санном пути с Енисея на Хатангу и далее к низовьям Лены) начался в XVIII в.⁷ и завершился не ранее второй половины XIX в., а в какой-то мере продолжается и по сей день (поскольку в силу сказанного выше любой эвенк может относительно легко превратиться в долгана: критериями служат религия и язык, а не кровное родство). Бесчисленные примеры прямого родства по отцовской линии между эвенками и долганами (с. 74, генеалогии в Прил. 4) дополняют эту картину.

Однако для социального антрополога Андерсона такое объяснение слишком исторично, чтобы ему верить и принимать во внимание при оценке современной ситуации. Вместо этого он указывает на множество непоследовательностей в обозначении национальной принадлежности одних и тех же лиц и семей (а что еще можно было бы ожидать в подобных обстоятельствах?) и предпочитает считать долган творением русско-советской империалистической «официальной этнографии», заинтересованной в одновременном ослаблении и эвенков, и якутов: *divide et impero* (с. 77–105).

Незнание или непонимание автором истории региона, о котором он пишет, проявляется на многих

страницах книги. Например, он подчеркивает: «В отличие от Украины или Кавказа, история долины нижнего Енисея состояла не из сражений за территорию или умы и сердца людей, а из умелого создания и использования родственных и обменных отношений для консолидации людей по национальностям на обширной территории» (с. 46).

При этом Андерсон, с одной стороны, явно ничего не знает о долгих и кровопролитных столкновениях на обоих берегах Нижнего Енисея между эвенками и самодийцами, ненцами и энцами, конец которым был положен лишь в середине XIX в. С другой стороны, само существование национальных групп предстает в его трактовке как изобретение хитрых политических интриганов без учета объективных (языковых и культурных) предпосылок этнической консолидации.

Столкнувшись только с одним, действительно запутанным эвенкийско-долганским узлом, автор пытается экстраполировать свои поверхностные наблюдения на все этнические группы, утверждая, что «население региона долины Нижнего Енисея еще в начале XX века представляло собой "причудливую мозаику" близкородственных "космополитов"-кочевников, которых трудно классифицировать по четким национальностям и зарегистрированным фамилиям» (с. 189).

В действительности (и традиции народов Таймыра в том отношении еще более показательны, чем исследования по этногенезу) такая классификация в этом регионе никогда не доставляла особых трудностей, поскольку основывалась на едином простом принципе: *ребенок наследует родовую принадлежность и этнический идентитет отца*.

Этот принцип снимал дилеммы, связанные со смешанными браками. Идея смены или свободного выбора этнической принадлежности была, по-видимому, совершенно чужда по крайней мере самодийским народам: человек, имеющий всего одного ненца-[(пра-...)пра]деда по прямой мужской линии (от которого унаследовано родовое наименование) и любое число непатрилинейных нганасанских предков, живущий всю жизнь среди нганасан и говорящий на их языке, остается ненцем для любого, кто знаком с его или ее генеалогией.

Разумеется, сейчас этот принцип не может проводиться последовательно из-за правил паспортной системы и высокой доли внебрачных рождений. Но этническая мозаика Сибирского Севера, отраженная в традиционной, вполне четкой и стабильной этнонимике, сформировалась задолго до этого.

Проблема долган. Неудивительно, что появление нового долганского этноса не могло не восприниматься с недоверием или издевкой в полиэтническом регионе, где другие этнические группы вели свои патрилинейные генеалогии с незапамятных времен. Традиция не оставляла места для подобных новшеств: любая новая и не пришедшая этническая группа была «ненастоящей», могла идентифицироваться лишь с одной из старых. Не читая Б.О. Долгих, жители Таймыра и Енисейского Севера, в том числе и сами долгане, были прекрасно осведомлены о «сомнительном» происхождении этноса. Соседние народы до сих пор не отделяют долган от эвенков в этнонимии (нен. *тырки*, энецк. *оа*, нган. *аба*). Этим и определяется возможность скептических и иронических высказываний «со стороны», которые Андерсон прилежно фиксировал: «Эвенки [...] ехидным тоном называют своих соседей "эти долганы", родословная которых якобы не так богата, как у якутов или русских» (с. 46); «Н.С. (нетерпеливо) Не путай имен и фамилий! Потом, Куропатов – это придуманная фамилия. И Ульянов тоже (фамилия каменских эвенков). Они должны быть Верещагины. Прошкины – на самом деле Гульские. И все так. Нет никаких долган. Все выдумки!» (с. 116); «Николай Савельевич отзывался на утверждения о долганах словами типа "болтовня" (ардя) или "вранье"» (с. 117); «В.: Ничего особенного в них нет. Это просто смесь. Якуты смешались с эвенками, которые перекочевали слишком далеко на Север... Мой отец говорил по-якутски и по-эвенкийски. И Филипп относился к якутам, только к настоящим, а не к этой помеси» (с. 117). (Мне тоже доводилось слышать высказывания подобного рода, но их число в книге Андерсона наводит на мысль о целенаправленном и настойчивом индуцировании.)

Сам Андерсон, игнорируя предысторию «долганского вопроса», однозначно оценивает их как проявления враждебности к долганам и признаки национальной розни – как, впрочем, и огорчительные случаи недостаточного радушия в приветствиях: «Обычно национальное соперничество в Хантайском Озере принимает форму предвзятых слухов, обвинений за чашкой чая или прохладного приветствия на улице. О принадлежности кого-нибудь к одной группе свидетельствует то, с кем он дружен, каких гостей принимает или кого выбирает в спутники для поездки, которая может занять несколько месяцев. Иногда, но всегда после употребления большого количества алкоголя, различия выплескиваются в кулачные потасовки, драки с ножами или охотничьим оружием. В таких случаях трудно объяснить причину увечья или смерти; сами драчуны нередко приводят в качестве причины национальность» (с. 76).

Автор попытался отыскать свидетельства притязаний Якутии или Эвенкии на территорию Таймыра – безуспешно, что, однако, не помешало ему вновь вызвать призрак национализма и повторить в связи

с мнимыми притязаниями свои обвинения в адрес российских этнографов: «Несмотря на длительные поиски в государственных архивах, я не смог найти свидетельств официальной обеспокоенности по поводу якутских или тунгусских территориальных претензий. Однако существуют многочисленные противоречивые предложения о включении той или иной части этой территории в состав того или иного административного района, а также свидетельства официально осужденной борьбы вокруг восточной границы Якутии (раздел IV.3). Было ли советское государство специально обеспокоено проявлениями национализма в это время или нет, важно то, что под каждым из этих предложений можно найти имена известных деятелей российской этнографии» (с. 85–86).

Вопросы этнонимии также дают Андерсону повод усмотреть «жестокие конфликты»: «И.А. Мне не нравится, когда эти (каменские) называют нас тунгус. Пусть называют нас эвенки.

Д.А. А что означает "тунгус"?

И.А. Не знаю, будто мы ниже или что-то в этом роде. Они хотят обидеть нас, так я думаю.

Это новое уничижительное значение термина прямо связано с жестокими конфликтами, которые характеризуют зарождение национализма в поселке[...]» (с. 110, ср. также с. 46).

Во-первых, я не уверен, что «И.А.» усмотрел бы дерогативную семантику у слова *тунгус*, если бы «Д.А.» не подвел его своими расспросами к этому заключению⁸. Во-вторых, если дерогативность и имеет место, то она отнюдь не нова: на с. 90 Д. Андерсон упоминает, что уже в 1930-е годы Таймырский окружком партии оценил старое название тунгус (и вместе с ним названия *долган* и *самоед*) как отмеченное «великодержавным шовинизмом».

Вместе с тем я могу очень хорошо понять информантов Андерсона, reagировавших «раздраженным молчанием» на его постоянное настойчивое копание в вопросах национальности⁹, которые никогда не играли для них такой роли, как для канадского соискателя докторской степени: «Если в беседах за чаем разговор заходил об ушедших людях, мои расспросы об этнической принадлежности этих людей наталкивались либо на раздраженное молчание, либо на ответ, что тогда эвенки были "везде"» (с. 113).

Я не готов однозначно ответить на вопрос о том, следует ли рассматривать язык долган как самостоятельный (вслед за Е.И. Убрятовой и М. Стаховским) или как диалект якутского. Но факт существования людей, идентифицирующих себя исключительно в качестве долган, бесспорен¹⁰. И поэтому исследователь-этнолог, какой бы позиции он ни придерживался, не имеет права затрагивать национальные чувства этих людей, называя их «бумажной категорией», фикцией: «В этих искусственно созданных условиях бумажная категория "долганы" оживает в быту людей, обостряя чувство их принадлежности к "передовой" народности и негативно отражаясь на тех, кто называется эвенками» (с. 96).

Подобными заявлениями – как и соответствующими методами сбора информации, представляющими собой, по моему мнению, пример недопустимого вмешательства исследователя в объект исследования, – Д. Андерсон ставит себя вне рамок науки.

Хантайские и каменские. Среди 536 жителей пос. Хантайское Озеро 223 чел. (42%) зарегистрированы эвенками и 237 чел. (44%) – долганами. Ситуация осложнена событиями недавней истории (1969 г.), когда жители пос. Камень (среди которых 70% были зарегистрированы долганами, остальные – эвенками) были по решению властей переселены в Хантайское Озеро (где до того почти все коренное население считалось эвенками и лишь несколько человек – долганами). Взаимные претензии и экономические конфликты *хантайских* и *каменских*, которые просто не могли не возникнуть при подобных обстоятельствах, не забыты окончательно и по сей день. Андерсон обещает (с. 21), что «история о том, как и почему эти две взаимосвязанные группы стали восприниматься как различные национальности, будет обсуждаться в главе III», но обещания этого не выполняет (все данные на с. 176–215 иллюстрируют только связи, всегда существовавшие между хантайскими и каменскими и лишь упрочившиеся после 1969 г.)¹¹. Но если бы даже ему и удалось обосновать свой тезис, естественные чувства привязанности и солидарности (бывших) земляков никак нельзя приравнивать к националистическим эмоциям.

Национализм исследователя: мышление в национальных категориях. Не вполне удовлетворившись своим тезисом о предполагаемой национальной розни между хантайскими и каменскими, Андерсон пытается нарисовать мрачную картину затаенной и чреватой взрывом вражды между эвенкийской и долганской частями населения поселка: «По большей части национальная рознь в поселке принимает вид молчаливой конфронтации, которую все понимают без объяснений. Это видно по тому, что в компании эвенков редко встретишь долгана. Не формируются и смешанные охотничьи группы из долган и эвенков. Когда охотники привозят добычу, то она распределяется либо среди эвенкийских, либо среди долганских семей. Это показывают и приведенные выше таблицы (не обнаружены ни в русском, ни в английском варианте книги. –

Е.Х.). В последнее время стала заметной разница в положении эвенков и долган в совхозной иерархии, в доступе к товарам; существенно уменьшилась доля смешанных браков между ними. Хотя показать масштабы национального соперничества в поселке с помощью таблиц трудно, напряженная атмосфера в магазине, совхозной конторе или на улице заставляет говорить об этом явлении как о ключевой социальной проблеме в Хантайском Озере во время моей полевой работы» (с. 47).

Видение национального соперничества между эвенками и долганами как «ключевой социальной проблемы в Хантайском Озере» целиком остается на совести автора. Неужели обстоятельства первого года экономических реформ в России (инфляция, невыплата зарплат) требуют каких-то особых объяснений для «напряженной атмосферы» в магазине и совхозной конторе? А тенденция к образованию этнически однородных групп, социальных и профессиональных, настолько тривиальна и универсальна¹², что вообще ничего не может доказывать.

Достаточно информативны те главы книги, где Андерсон описывает экономическое положение в Хантайском Озере в 1992–1993 гг., и в частности причины сохранения там совхоза после развала советской системы, «приватизации» и перехода к частному предпринимательству. Впрочем, и здесь он предпочитает рассматривать все через привезенную с собой призму: «Среди многих факторов, оказавших свое влияние на запоздалый расцвет приватизации на Таймыре, по-видимому, наиболее сильным было националистическое тяготение к определенным территориям» (с. 165–166).

Оленевод предпочитает пасти свое стадо там же, где пасли оленей его отец и дед... Националист, не иначе!

Национальная политика государства. Д. Андерсон, несомненно, прав в своей резкой критике советской (а теперь и российской) официальной практики паспортизации и перелицев, которая не допускала сосуществования у отдельных людей разных этнических идентичностей и требовала в таких случаях однозначного и окончательного выбора национальности. Отчасти, вероятно, прав он и тогда, когда обвиняет российских этнологов с их традиционным интересом к разграничению этносов в солидаризации с подобной практикой (с. 58, 77 и сл.)¹³. Автор постоянно возвращается и к мысли (уже давно общепринятой у политологов) о том, что создание национальных автономий и официальная регистрация национальностей в «интернационалистическом» Советском государстве предопределили собой этнические конфликты постсоветской эпохи (с. 49, 51 и др.).

Но примеры и высказывания, приведенные в книге, свидетельствуют, вопреки воле автора, и о другом – о том, что официальной политике размежевания по национальностям на Севере противостояли два других не менее важных обстоятельства: столь же официальная пропаганда «дружбы народов» (пусть часто лицемерная – но ученики, слушавшие и повторявшие слова учителей и торжественных речей, этого не знали!) и те социально-экономические трудности и лишения, которые на протяжении многих десятилетий в равной мере затрагивали всех северян – эвенков и долган, нганасанов и нивхов.

С другой стороны, выглядит весьма странным, что книга, посвященная преимущественно национальным проблемам и конфликтам, обходит стороной единственный подлинный и действительно серьезный национальный конфликт на Таймыре и на всем Сибирском Севере. Я имею в виду конфликт интересов (и в меньшей мере конфликт культур) между северянами («националами») в целом, с одной стороны, и приезжими «русскими» (к которым относят и украинцев, татар, армян, евреев и т.д.) в целом – с другой.

Эту проблему автор затрагивает лишь эпизодически – например, на с. 52 он упоминает, что пришлое население склонно смотреть на «националов» свысока, а на с. 166 отмечено, что многие местные госслужащие из числа долган и ненцев опасаются приватизации и «придерживаются старых убеждений относительно того, что их обязанность – «защищать» своих собратьев от спекуляции землей со стороны русских»¹⁴.

В последнем случае симпатии Андерсона, похоже, принадлежат приватизаторам как приверженцам более прогрессивной капиталистической модели хозяйствования: автор явно не сумел понять, что клептократическая политико-экономическая система современной России может оказаться для этнических меньшинств Крайнего Севера еще более губительной, чем советская модель.

Провоцирование национализма? Многими примерами Андерсон убедительно демонстрирует, что его информанты в своих оценках гораздо сдержаннее и рассудительнее, чем исследователь: «Вчера посадили в тюрьму моего брата. Говорят, что он убил в драке Ч., она началась из-за разбирательства, кто есть тунгус. Д. (ее брат) защищал эвенков, ему не понравилось, что обозвали тунгусом. Самое интересное, что Д. в паспорте записан долганом, а Ч. – эвенком. Наверно, все же виновата водка!» (письмо из пос. Хантайское Озеро, дек. 1993 г.; с. 114).

Кроме того, они склонны считать «национальные разбирательства» (или упорный интерес к ним Андерсона?) смешными и превращать все в беззлобную шутку, как эвенк С.С. и его дочь Л.С.: «П.С. Когда я впервые пришла сюда из Потапово, я мало знала о каменцах. Потом вышла замуж. Мне нравилось быть замужем. Мы ладили. Однажды я нашла его паспорт, в котором было написано "эвенк". Я показала это ему и спросила: "Ты эвенк?". И он ответил: "Да". Смешно, правда?»

С.С. Никогда не знаешь, кто тут эвенк. Вот моя дочка вышла замуж за долгана, а он оказался эвенком. Может, ты и сейчас с долганом разговариваешь!» (с. 118).

Но, судя по комментариям к этим и подобным высказываниям, автору везде и во всем все же мерещится призрак национализма. И если следующее сообщение соответствует действительности, то за время своего пребывания в поселке он, боюсь, сумел навязать кое-кому из своих собеседников это искаженное видение и словоупотребление: «Когда хрупкий мир в поселке нарушается как следствие пьяной драки или открытого предпочтения кого-либо в очереди в совхозной конторе, то для обозначения возникшего напряжения люди пользуются словом "национализм"» (с. 47). Во всяком случае до сих пор употребление слова *национализм* в значении «драка, ссора» мне не было знакомо.

Андерсон ищет и находит этнические конфликты там, где их не было и не должно было быть. Не является ли такого рода «социальная антропология» провокационной? Я не стану преувеличивать обвинения в адрес книги Андерсона: она выглядит вполне безобидной на фоне груд шовинистической и националистической макулатуры, ежедневно беспрепятственно распространяемой почти во всех частях бывшего Советского Союза. Тяжесть проблемы в том, что книга принадлежит автору, причастному к научному миру и поэтому пользующемуся почтением и доверием (подобающим мудрецу или пророку – ср. с. 119, 214) со стороны людей, которым раньше доводилось встречаться с такими этнографами, как Борис Долгих и Галина Грачева.

Работа – на кого и на что? «Современная политическая ситуация в Хантайском Озере в условиях развивающейся плановой экономики такова, что требует прямого присоединения к той или иной национальности» (с. 112) – вот, пожалуй, главный вывод (совет), настойчиво повторяемый в книге Андерсона. Никакого фактического обоснования такого заключения я не смог найти в тех главах книги, где речь идет о хозяйственных делах. Мне не доводилось бывать в Хантайском Озере, но во время поездок последних лет на Таймыр я не замечал различий в экономическом положении и перспективах между, например, «настоящими» ненцами и ненецкоязычными энцами в пос. Воронцово (последние представляют собой группу, которая, согласно Андерсону, должна страдать из-за своей «неприсоединенности»). И те, и другие влачат жалкое существование, если они безработные алкоголики, и живут нелегкой, но достойной жизнью, если они имеют нормальное занятие (обычно в традиционной сфере хозяйствования). Позволю себе усомниться, что мои воронцовские знакомые последуют приведенному выше совету и ускоренно примутся за этническую консолидацию.

Существует, однако, та социальная группировка, которая может – или во всяком случае потенциально готова – воспринять измышления и заключения Андерсона как полезные рекомендации. Речь идет об общественно-политических (зачастую самозванных) лидерах национальных меньшинств – людях, которые ведут совершенно иную жизнь, чем большинство их соплеменников, жизнь, в которой этнические вопросы действительно стали повседневным занятием, а национальность – профессией.

Принадлежа по рождению к этническим меньшинствам, но получив образование и проживая в городских центрах, они присваивают право говорить и действовать от имени «молчаливого большинства» (имеется в виду большинство меньшинства). Некоторые (или даже многие) из них искренне преданы своим народам, и плоды их трудов вызывают подлинное уважение. Но многие (или некоторые) из них руководствуются принципом: «Благо моего народа заключается в благе его лучших представителей – то есть в моем персональном благополучии». Ряд скандальных случаев с расхищением средств, выделенных российскими и международными фондами на нужды северян, отражают одну из сторон деятельности подобных национальных лидеров. Другой стороной этой деятельности стали громкие заявления об историческом и культурном превосходстве того этноса, которому они принадлежат, и о его преимущественных правах (по отношению к другим этносам и в ущерб им).

Постоянно повторяя тезис о том, что раздувание национального чувства («национальная инфляция») и враждебность по отношению к чужакам представляют собой в современной ситуации естественную и адекватную реакцию, шанс на будущее, Андерсон, похоже, на многих страницах книги (с. 22, 71–72, 77, 106, 207) апеллирует непосредственно к данной социальной группировке.

Не личный ли опыт автора побуждает его связывать задачи социальной антропологии с политическими и

экономическими интересами этнических лидеров? Андерсон упоминает, что в 1983–1986 гг., до поступления в докторантуру, он «работал на администрацию индейского племени в Форт-Макферсон на Северо-Западных территориях» (с. 5). Выбранное в переводе, сознательно или непроизвольно, выражение «работал на администрацию» (в английском варианте «worked for the Fort McPherson Indian Band») весьма симптоматично: нет нужды доказывать, что «работа на» администрацию племени с подлинным научным исследованием имеет общего не больше, чем «работа на» государственный аппарат.

Автор цитирует (с. 77) слова С.М. Широкогорова о том, что этнографы, стремясь при исследовании этнических меньшинств «показать их "низкое положение" и необходимость "защитить их" [...], тем самым заготавливают наилучшее оружие для будущей этнической войны». Цитата оставлена без комментария; не призвана ли она характеризовать конечную цель исследований самого Андерсона?

Заключительные замечания. Думаю, что моя оценка работы и установок Андерсона должна невольно вызвать у опытного читателя малоприятную ассоциацию с некоторыми статьями прошлых лет, которые по законам жанра инкриминировали критикуемому деятельность по заданию иностранных спецслужб, стремление вбить клин в нерушимый союз советских народов, выступление в роли рупора антисоветской и антирусской пропаганды и т.д. и т.п. и завершались призывом положить конец враждебным вылазкам. Я далек от подобных обвинений и, кроме того, прекрасно отдаю себе отчет в том, что данная рецензия – не то средство, которое способно было бы повлиять на центральные или местные власти в современной России. Вряд ли разумно видеть в «Тундровиках» дело рук ЦРУ – это порождение самого автора и его учителей в области социальной антропологии.

По мнению автора, «явление национальной инфляции в Хантайском Озере, как и в других районах бывшего СССР, – это общая болезнь экономических, социальных и национальных категорий в ситуации развала административной и конституционной систем» (с. 121).

Нельзя, к сожалению, отрицать, что многие регионы бывшего Советского Союза стали ареной кровавых межэтнических столкновений. Но исследователям, нацеленным на изучение таких конфликтов, нет смысла ехать на Таймыр. Как бы ни старался Андерсон доказать обратное, традиции северной солидарности остаются в этом регионе гораздо сильнее национальных амбиций.

Примечания

¹ Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000 (Oxford Studies in Social and Cultural Anthropology). XVI, 253 p. Между переводом и оригиналом имеются различия в первую очередь композиционного характера.

² Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998. С. 235.

³ Буквальная передача англ. *national inflation* – «раздувание национального чувства», на которой (по сообщению редактора перевода Н.Б. Вахтина) настаивал сам автор, придает этому понятию смысл, прямо противоположный требуемому: вне контекста книги *национальная инфляция* может быть воспринята только как «обесценивание национальных понятий и чувств, национальный нигилизм».

⁴ Диссертация действительно была написана и успешно защищена в Англии (Department of Social Ethnography, Cambridge University) в 1995 г. (с. VII).

⁵ Особенно на работу: Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сб. Вып. 5. М., 1963. С. 92–141.

⁶ Как лингвист я могу заподозрить, что и мои исследования по сравнительно-историческому языкознанию в понимании Андерсона обслуживают политические интересы государства (было бы любопытно узнать, какого именно).

⁷ Андерсон датирует первое упоминание о долганах 1818 г. (р. 80), но ни о чем, кроме его некомпетентности, эта датировка не свидетельствует: в исторических документах долганы (как группа тунгусов) упоминаются уже в 1638 г. (Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985. С. 8) и даже, как установил М. Стаховский, в 1628–1630 гг. (Stachowski M. Über das Alter der dolganischen Sprache // Türk Dilleri Agastimalari. 1966. № 6. S. 123–130). Первые этнографические данные о долганах были собраны также гораздо раньше, чем считает Андерсон (с. 81) – не А.Ф. Миддендорфом (1843) и М.А. Кастреном (1846), а уже Г.Ф. Миллером (1739).

⁸ Исследователь обязан выбирать выражения. Вопрос о том, что означает этноним, сразу предполагает, что за именем кроются некие коннотации.

⁹ Рецензент и сам с трудом переносит собеседников, заикливых на выяснении национальностей.

¹⁰ Причем этих людей можно встретить не только на Таймыре, но и в северо-восточной части Республики Саха. См.: *Turza J. & O. Die östlichen Dolganen im Nordwesten von Jakutien // Philologia Fennougrica. 1996/1997. V. 2–3. S. 19–37.*

¹¹ Кроме того, Андерсон утверждает: «Если браки разделить по местным диалектным группам, то выяснится практически полное отсутствие браков между хантайскими и каменскими эвенками и долганами; наибольшее число браков заключается между каменскими группами (таблица 6). Это явление – один из показателей существования конфликта между местными и переселенцами» (с. 25).

В действительности табл. 6 в конце книги показывает (и ставить ее данные под сомнение нет оснований), что 8 браков заключено между двумя хантайскими, 37 – между двумя каменскими (многие из них – еще до 1969 г.) и 13 – между представителями различных групп.... No comment.

¹² Она заметна даже в Канаде.

¹³ Вместе с рядом коллег по общественным советам Советского фонда культуры и по Московскому лингвистическому обществу я был участником безуспешных попыток добиться изменения этой порочной практики в 1987–1989 гг., в период подготовки последней Всесоюзной переписи населения.

¹⁴ Некоторые события последних лет вполне подтверждают, к сожалению, небезосновательность их опасений.

Е. Хелимский